

Петер Хандке

Петер Хандке

Женщина-левша
Нет желаний — нет счастья
Дон Жуан

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Х19

Серия «XX век / XXI век — The Best»

Peter Handke

DIE LINKSHANDIGE FRAU
WUNSCHLOSES UNGLUCK

DON JUAN

(erzählt von ihm selbst)

Перевод с немецкого *И. Каринцевой* («Нет желаний — нет счастья», «Женщина-левша»), *Г. Косарик* («Дон Жуан (рассказано им самим)»)

Дизайн обложки *В. Воронина*

All rights reserved by and controlled through Suhrkamp Verlag Berlin.

Хандке, Петер.

Х19 Женщина-левша ; Нет желаний — нет счастья ; Дон Жуан : [сборник : перевод с немецкого] / Петер Хандке. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (XX век / XXI век — The Best).

ISBN 978-5-17-120913-1

В этот сборник нобелевского лауреата вошли знаковые повести, написанные в 1970-е годы. Они невероятно глубоки, поэтичны и объединены одной мыслью: бездуховное существование противно нашей природе. Хандке показывает, как замкнутое в кругу монотонных бытовых действий сознание не позволяет человеку найти себя, стать настоящей личностью.

Его герои — будь то образцовая домохозяйка Марианна из «Женщины-левши», совершающая самоубийство мать из автобиографической повести «Нет желаний — нет счастья» или Дон Жуан, который, по версии писателя, оказывается вовсе не демоническим обольстителем, а вечным странником, — переживают острейший разлад с враждебным окружающим миром и чувствуют себя песчинками, попавшими в водоворот событий. Смогут ли они выйти из борьбы с угрожающей безликостью победителями и ощутить «блаженство жизни без судорог и страха»?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1974, 1976, 2004

© Перевод. И. Каринцева, наследники, 2019

© Перевод. Г. Косарик, наследники, 2019

ISBN 978-5-17-120913-1

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Женщина-левша

Ей было тридцать лет, жила она в поселке дачного типа, расположенном террасами на южном склоне невысокого горного кряжа, как раз над большим городом и его испарениями. Глаза ее, даже когда она ни на кого не смотрела, иной раз вспыхивали, но выражение лица при этом не менялось. Однажды зимой в конце дня она сидела за электрической швейной машинкой у окна большой продолговатой комнаты в желтоватом свете, падавшем с улицы, а рядом прилежал ее восьмилетний сын, писавший домашнее сочинение. Одна боковая стена комнаты была стеклянная; это огромное окно выходило на площадку, поросшую травой, где валялась выброшенная рождественская елка, и на глухую стену соседнего дома. Мальчуган сидел за темным некрашеным столом, склонившись над тетрадкой, и писал авторучкой, при этом он то и дело высовывал кончик языка и облизывался. Время от времени он останавливался, глядел в огромное окно и принимался писать еще

усерднее; а то поднимал глаза на мать, и она, хоть и сидела к нему спиной, чувствовала это и оглядывалась. Молодая женщина была замужем, муж ее заведовал отделом сбыта местного филиала фирмы по производству фарфора, пользующейся европейской известностью, этим вечером он возвращался из длительной деловой поездки в Скандинавию. Семья их не была состоятельной, но жили они вполне обеспеченно, а бунгало снимали: мужа ведь в любую минуту могли перевести в другое место.

Мальчуган кончил сочинение и стал читать вслух:

— «Как представляю я себе прекрасную жизнь: я хотел бы, чтобы не было ни холода, ни жары. Пусть всегда дует теплый ветер, а иногда пусть поднимается такой вихрь, чтобы пришлось присесть на корточки. Пусть все машины исчезнут. Дома пусть будут красными. А кустарник пусть будет золотой. И пусть все всё знают. И нечему будет учиться. А еще пусть все живут на островах. На улицах там пусть стоят машины, открытые — садись, как устанешь. Но никто вообще больше не устает. Машины эти ничейные. Вечером не нужно ложиться спать. Заснуть можно там, где стоишь. Дождей никогда не бывает. Друзей всегда четверо, а все люди, которых не знаешь, пусть куда-то исчезнут. Все, чего ты не знаешь, пусть исчезнет».

Молодая женщина встала и выглянула в другое окно, поперечное, узкое, перед которым вдалеке стояли ели, сейчас недвижимые. У их подножия выстроился ряд индивидуальных гаражей, одинаково прямоугольных, с такими же плоскими крышами, как у кот-

теджей, перед гаражами проходила подъездная дорога, сейчас там по бесснежному тротуару какой-то мальчишка волочил санки. Еще дальше за деревьями, внизу на равнине, виднелись окраинные кварталы большого города; из долины как раз поднимался самолет. Мальчуган подошел к матери, погруженной в себя, но не оцепенелой, а скорее податливой, и спросил, куда она смотрит. Молодая женщина ничего не слышала, даже не мигала. Мальчик тряхнул ее, крикнул:

— Да очнись же!

Она пришла в себя, положила руку на плечо мальчика. Он тоже глянул в окно и, засмотревшись, невольно открыл рот. Немного погодя он встряхнулся и сказал:

— Ну вот, я тоже загляделся, как и ты!

Оба рассмеялись и долго не могли остановиться — стоило им утихнуть, как тут же один из них снова заливался смехом и ему вторил другой. В конце концов они, хохоча, обнялись и вместе повалились на пол.

Мальчуган спросил, можно ли ему теперь включить телевизор. Мать ответила:

— Но мы же хотели встретить Бруно в аэропорту.

Он, однако, уже включил телевизор и уселся перед ним.

Молодая женщина наклонилась к сыну, сказала:

— Как же я объясню твоему отцу, который больше месяца провел за границей, что...

Мальчуган уставился в телевизор и ничего больше не слышал. Молодая женщина крикнула еще раз; она сложила ладони рупором, словно они были где-

то за городом, но мальчуган упорно смотрел только на экран. Она помахала рукой перед его глазами, но он склонил голову набок и продолжал смотреть, приоткрыв рот.

В надвигавшихся сумерках молодая женщина, распахнув меховую шубку, стояла перед гаражом; припорошенные снегом лужи начали подмерзать. Весь тротуар был усыпан иголками выброшенных рождественских елок. Отпирая двери гаража, она посмотрела вверх на поселок — в громоздившихся друг над другом бунгало-коробочках кое-где уже светились огни. Сразу же за поселком начинался смешанный лес, главным образом дубы, буки и ели; лес полого поднимался к одной из вершин горного кряжа, ни деревни, ни единого дома не было между лесом и горой. Мальчуган появился в окне их «жилой ячейки», как называл бунгало Бруно, и поднял приветственно руку.

Когда молодая женщина приехала в аэропорт, еще не стемнело; прежде чем войти в зал ожидания для пассажиров зарубежных авиалиний, она, взглянув на небо, разглядела над флагштоками с просвечивающими флагами светлые пятна. Она стояла среди встречающих и ждала — лицо, полное ожидания, но не напряженное, открытое и в то же время замкнутое. После того как объявили, что приземлился самолет из Хельсинки, из-за таможенного барьера стали появляться пассажиры, среди них и Бруно с чемоданом и сумкой Duty-free-Shops*; лицо его засты-

---

* Магазин беспошлинной торговли (в аэропорту).

ло от усталости. Он был едва ли старше жены, всегда носил двубортный серый костюм в елочку и рубашку с открытым воротом. Глаза у него были такие темно-карие, что зрачки едва различались; он мог долго не отрываясь смотреть на людей, но у тех не появлялось ощущения, что их изучают. В детстве он был лунатиком и взрослым тоже часто разговаривал во сне.

В зале, на глазах у всех, он положил голову на плечо жены, словно ему необходимо было незамедлительно отдохнуть, зарывшись в мех. Она взяла у него из рук сумку и чемодан, и тогда он обнял ее. Так они стояли долго; от Бруно слегка попахивало спиртным.

В лифте, спускаясь в подземный гараж, он посматривал на нее, она же его внимательно разглядывала.

Она первой села в машину и открыла ему дверцу переднего сиденья. Он еще постоял секунду, уставившись куда-то в пустоту. Потом стукнул себя кулаком по лбу, зажал пальцами нос и стал как бы выдувать воздух из ушей, точно они были до сих пор еще заложены от долгого полета.

В машине, уже свернув с магистрали на дорогу к городку на склоне кряжа, где был их поселок, она положила руку на клавишу радиоприемника и спросила:

— Хочешь музыку?

Он помотал головой. Между тем уже наступила ночь, в административных высотных зданиях вдоль шоссе почти все огни погасли, а в жилых поселках на холмах вокруг все окна ярко светились. Немного погодя Бруно сказал:

— В Финляндии было всегда темно — и днем и ночью. И ни единого слова из того языка, на кото-

ром они говорят, я не понимал! В любой другой стране хоть какие-то похожие слова находятся, а у них — никаких интернациональных слов. Единственное слово, которое я запомнил, — это «olut» — пиво. Я частенько там прикладывался. Однажды днем, когда чуть-чуть посветлело, я сидел в кафе самообслуживания и внезапно стал корябать ногтями стол. Темнота, ощущение холода в ноздрях, и не с кем словечком перемолвиться. А как-то ночью я услышал вой волков — чуть ли не с радостью. И еще: время от времени я мочился в унитаз с инициалами нашей фирмы! Хочу тебе кое-что сказать, Марианна: там, на севере, я много думал о тебе и о Стефане, и впервые после долгих лет, прожитых вместе, я ощутил, что мы удивительно подходим друг другу. И как-то вдруг испугался, что от одиночества сойду с ума, да еще на какой-то особенный, жутко мучительный манер, как еще никто не сходил с ума. Я часто говорил тебе, что люблю тебя, но только теперь я чувствую нашу нерушимую связь. Да, на веки вечные. Но самое странное, что теперь, почувствовав это, я и без вас бы прожил.

Немного погодя она положила ладонь ему на колено и спросила:

— А переговоры?

Бруно рассмеялся:

— Количество заказов опять увеличивается. Хоть едят северяне бог знает что, зато с наших тарелок. В следующий раз клиентам с севера придется потрудиться и приехать к нам. Падение цен застопорилось; нам нет больше нужды предоставлять им такую большую скидку, как во время кризиса. — Он снова рассме-

ялся. — Они даже по-английски не говорят. Мы разговаривали с помощью переводчицы, незамужней женщины с ребенком, она училась у нас. Кажется, на юге.

Марианна:

— Тебе так кажется?

Бруно:

— Нет, я, конечно, знаю. Она мне рассказывала.

В поселке они прошли мимо освещенной телефонной будки, в которой кто-то шевелился, бесшумно, словно тень, и завернули в одну из узких, кривых улочек, что пересекали поселок поперек. Он обнял жену. Отпирая дверь, молодая женщина еще раз оглянулась, посмотрела туда, где тонула в полутьме ночная улица, где громоздились одно над другим бунгало с задернутыми занавесками.

Бруно спросил:

— Тебе все еще нравится здесь?

Она:

— Иной раз мне хочется, чтобы у наших дверей стояла чадная пиццерия или газетный киоск.

Бруно:

— А я вздыхаю с облегчением, когда возвращаюсь сюда.

Она улыбнулась как бы про себя.

В большой комнате в очень широком кресле под торшером сидел мальчуган и читал. Когда родители вошли, он поднял на мгновение глаза и продолжал читать. Бруно подошел к нему, но он не прервал чтения. Немного погодя, однако, едва заметно ухмыльнулся. Встал и начал шарить по карманам у Бруно, искать гостинец.

Молодая женщина пришла из кухни с серебряным подносом, на котором стояла рюмка водки, но мужа и сына в комнате уже не было. Она пошла по коридору, заглядывая в комнаты, расположенные, точно камеры, справа и слева от прохода. Открыла дверь в ванную, где Бруно, сидя неподвижно на краю ванны, наблюдал за тем, как сын, уже в пижаме, чистит зубы. Мальчуган закатал рукава, чтобы в них не залилась вода, и старательно облизывал открытый тюбик зубной пасты — у детской пасты был привкус малины; затем, встав на цыпочки, положил пасту и щетку на полку.

Бруно взял рюмку с подноса и спросил:

— А ты не выпьешь? У тебя есть какие-то планы на сегодняшнюю ночь?

Она:

— Разве я не такая, как обычно?

Бруно:

— Как всегда, не такая.

Она:

— Как это понимать?

Бруно:

— Ты принадлежишь к тем немногим людям, перед которыми не ощущаешь страха. Кроме того, ты такая женщина, перед которой не надо ничего разыгрывать.

Он легонько шлепнул мальчугана, и тот вышел из ванной.

В комнате, когда они с Бруно убрали раскиданные за день детские игры, Бруно вдруг поднялся и сказал:

— У меня все еще гудит в ушах после полета. Пойдем в ресторан, поужинаем по-праздничному. У нас здесь слишком домашняя атмосфера, даже какая-то удручающе-зловещая. Надень, пожалуйста, платье с глубоким вырезом.

Она, еще сидя на корточках и убирая, спросила:

— А что наденешь ты?

Бруно:

— Я пойду не переодеваясь: ведь мы так всегда делали. А галстук возьму у швейцара. Не хочешь ли ты, как и я, пройти пешком?

Они вошли в сопровождении кривоногого кельнера — Бруно еще поправлял чужой галстук — в пышный и благодаря очень высоким потолкам казавшийся чуть ли не дворцовым зал ресторана, расположенного поблизости и в этот вечер полупустого. Кельнер пододвинул им стулья, так что им оставалось только сесть. Они одновременно развернули салфетки, рассмеялись.

Бруно не только съел все, что было на тарелке, но и дочиста вытер ее кусочком белого хлеба. После чего, держа в руке рюмку кальвадоса, сверкавшего в свете люстр, и разглядывая его, сказал:

— Сегодня мне просто необходимо было, чтобы меня так обслужили. Какое при этом возникает ощущение защищенности! Ощущение микровечности.

Кельнер неподвижно стоял в глубине зала, а Бруно продолжал говорить:

— В самолете я читал английский роман. Там есть эпизод со слугой, когда его готовность услужить, не теряя чувства собственного достоинства,